

Неоевразийство — не цивилизационная
идентичность, а геополитическая идеология,
скрепляющая пространство восточнохристианской
цивилизации

*А.Н. Окара, кандидат юриди-
ческих наук*

Александр Гельевич сегодня вспомнил образ «значимого Другого» — это некий субъект, отраженная идентичность которого влияет на твою собственную идентичность. Так вот, скажу честно: сколько мы с Вами знакомы и даже немного больше, во многих моих размышлениях именно Вы, Ваши идеи, Ваши книги — для меня, в каком-то смысле, — это именно «значимый Другой».

Концепция евразийской цивилизации, которую Вы создали на основе концепций отцов-основателей евразийства, классиков традиционализма и европейских «новых правых», не просто интересна — она реально повлияла на общественное сознание конца 1990-х — начала 2000-х гг. Вы реабилитировали в России несколько важных дискурсов — геополитику, евразийство, консервативную революцию, отчасти традиционализм Генона и Эволы.

Однако что берется в качестве единого «знаменателя» евразийской общности? Территория, фактор «месторазвития», отношение к пространству, специфическая «моносубъектная» культура управления, сакральная легитимизация верховной власти, монгольское наследие, культурная диффузия славянских, тюркских, финно-угорских и прочих народов, консолидация вокруг Москвы, русской культуры и «третьеримской» эсхатологии, геополитическая идентичность? Или,

может, речь идет о «синтезе», смешении, «взвеси» православия, старообрядчества, ислама и буддизма? То есть при определении — что есть цивилизация? — главные критерии, как мне кажется, имеют экзистенциальный, культурный, метафизический характер, а уже потом материальный — экономический, политический, хозяйственный.

Я полагаю, что основное в цивилизационной идентичности — это так называемая «сакральная вертикаль», т. е. набор трансцендентных ценностей, которые соединяют наше земное бытие с абсолютным миром. А то, что у Вас носит название «великого судьбоносного союза» великорусов и, с другой стороны, казанских татар, башкир и иных народов Евразии, то это определяется не как единая цивилизация, а как позитивная «этническая комплементарность» народов, имеющих несколько столетий совместной истории.

Нет и быть не может единой цивилизации, состоящей из православных славян и мусульман-тюрков. Это можно назвать цивилизационным конгломератом, который способен эффективно сплачивать на основе все того же Вашего «евразийского синтеза», на основе интегральной геополитической идеологии, на основе представлений об «общей судьбе» и общих ценностях. Но, увы, швы между Москвой и Казанью никуда не исчезнут. Да, сейчас существует определенный консенсус, но за него федеральный Центр «расплачивается» финансовыми льготами и тем, что закрывает глаза на специфические «особенности» политических режимов и нефтегазовый вопрос в Татарстане и Башкирии.

Сейчас вроде бы никаких непреодолимых противоречий нет; но, не дай Бог, появится сильный вызов государству Российскому — что будет с Поволжьем и Северным Кавказом? Сможем ли мы тогда говорить о существовании евразийской цивилизации?

За последние столетия российскую идентичность предлагалось развивать в трех основных направлениях: восточнохристианском, основанном на религиозно-культурной

идентичности (по вектору Москва–Киев–Константинополь); евразийском, основанном на геополитической идентичности и «месторазвитии» (вектор Москва–Казань); панславистском, основанном на факторе общего происхождения и языковой близости (вектор Москва–Варшава–Прага).

Но, как думается, определяющий для нас вектор — первый, поскольку он ставит во главу угла экзистенциальные вопросы и поиск ответов на них, а не политическую культуру или технологии управления и не идею славянского братства. Именно поэтому я являюсь сторонником определения цивилизации, к которой мы принадлежим, как восточнохристианской.

Вторая тема из Вашего выступления, которая мне кажется очень значимой, — это сопоставление российских и западноевропейских ценностей. В качестве таких бинарных оппозиций Вы выставляете, в частности, российскую приверженность общему, холистскому, органическому началу и западную приверженность индивидуальному, дискретному началу.

Мне кажется, это схематизация и упрощение. Даже из Вашей интересной книги «Эволюция парадигмальных оснований науки» следует, что вся эта холистская научная методология и органическая парадигма была рождена и осмыслена именно в недрах западной науки и культуры — вы даже ссылаетесь в основном на европейских авторов.

Надо сказать, что холистское социальное начало реализовалось не только в великорусской деревенской общине и коммунистической доктрине, но и на Западе — в национал-социализме, фашизме, солидаризме — т. е. в сугубо модернистских обществах. Там принцип холизма и органичности был вообще возведен в абсолют! С индивидуализмом там закончили так же жестко, как и в Советском Союзе. Не говорю уже о том, что такое атомизированное и несолидарное общество, как в сегодняшней России, еще поискать надо!

То же самое и по поводу Вашего противопоставления России и Европы в тематике традиционной семьи. Увы! В России

традиционная семья уже давно исчезла! Где она есть? — Покажите! Кризис традиционной семьи в России и на Западе — явления одного порядка; и если в России он и отстает во времени, то буквально на несколько десятков лет. В России — полнейшее вырождение деревни, за исключением разве что некоторых южных регионов. Сможет ли российская деревня возродиться или нет? Уже писатели-«деревенщики» в 1970-х считали, что нет. Но, глядя из нашего времени, даже те года кажутся чуть ли не деревенским раем: работали колхозы, школы, больницы, какая-то жизнь в селе существовала — не все оттуда бежали в город. Ну и мы в Москве пили настоящее молоко, а не порошковое. А теперь? Какая уж тут традиционная семья...

Умер сам феномен традиционной великорусской народной культуры. Сейчас фольклористы в ужасе — им не с кем на селе работать! Последнее поколение, которое для них актуально, — это 70–80-летние! Уже те, кому сегодня по 60–65 лет, — носители сугубо советской культуры, фольклористам нечего от них записывать.

Если мы ищем будущее, какой-то новый уникальный миростроительный проект, — а мне кажется, мы занимаемся именно этим — надо думать о том, как в условиях нашей интеллектуальной культуры снять традиционную для нее дихотомию между индивидуальным и коллективным. Ибо деиндивидуализированный коллективизм, в котором личность подавляется, — это никакой не холизм, никакая не органичность, а самая настоящая дискретность, только не разбросанная, а ссыпанная в одну кучу.

Каким образом воплотить идеал соборности, но не в коммунистическом, фашистском или ином тоталитарном формате, а на основе «свободной лояльности» (словосочетание из Ивана Ильина)? И нужна ли эта органичность российской власти, да и российскому обществу тоже? Думаю, именно такая соборность, основанная на субъектности и самодостаточности каждого, — и есть залог нашего возможного

развития. Но, увы, в государстве-корпорации наша субъектность — это «непрофильные затраты» и «избыточные риски». То есть, переходя на уровень политтехнологий, вопрос надо ставить следующим образом: как создать эффективное государственное управление на основе технологий «мягкой власти» («soft power») и «свободной лояльности»? Как обойтись без традиционного российского кнута и не менее традиционного западного пряника? «That is the question», — как говаривал Гамлет...

